

Еще не раз вы вспомните меня...

Эта строка русского поэта, драматурга, критика, основателя литературного течения акмеизм Николая Гумилева стала пророческой. Еще раз о последних днях жизни и трагической смерти этого неординарного человека в августе 1921 года напомнили ивангородцам актеры студии «ИВАНГАРД» на сцене культурно-досугового центра, сыграв спектакль по пьесе своего руководителя Юрия Леонидовича ЛУКИНА.

Знатоки называют Гумилева одним из самых недооцененных поэтов Серебряного века. Другие ограничиваются ярлыками «муж Ахматовой», «расстрелян большевиками», «кавалер Георгиевского креста», «отец Льва Гумилева». Студия «ИВАНГАРД», образованная в Ивангородской школе № 1 им. Наумова около 15 лет назад, одну из задач работы над драмой о Гумилеве видит как просветительскую. Позволим и мы себе просветить читателя касательно основных моментов из биографии Николая Гумилева, дабы подвести к действию на сцене.

Сын судебного врача, Николай родился 3 (15) апреля в Кронштадте. Проведя детство в Царском Селе, отрочество — в Тифлисе, юность снова в Царском Селе, Гумилев вбирает в душу впечатления имперской мощи и воинской доблести вперемежку с южной экзотикой, что и определяет изначально его вкусы, его поэтический почерк.

После окончания гимназии в Царском Селе, где директором в то время работает знаменитый поэт Иннокентий Анненский, он тотчас уезжает в Париж. В столице Франции он проводит два года, общаясь с французскими поэтами и художниками и пытаясь издавать литературно-художественный журнал «Сириус». В 1908 году Гумилев возвращается в Рос-

**Еще не раз вы вспомните меня
И весь мой мир, волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.**

сию сформировавшимся поэтом и критиком. Он ведет себя не так, как принято в тогдашней поэтической среде, и являет собой уникальный пример человека, готового практически служить своим идеалам. Верность Гумилева однажды принятым воззрениям и обязательствам неукоснительна. Крещенный в православии, он и среди большевиков при виде церкви продолжает осенять себя знамением. Присягнувший царю, он и при Советской власти остается монархистом, причем не скрывает этого ни от простодушных пролеткультовцев, которым читает лекции, ни от чекистских следователей, которые его допрашивают.

Первый сборник стихов Гумилева «Путь конкистадоров» (1905) был опубликован еще в студенческие годы. За ним последовали «Романтические цветы» (1908) и «Жемчуга» (1910). В 1912 году продиктованные сложными отношениями с Ахматовой строки наполняют «Чужое небо». Эти книги выходят между поездками Гумилева в Египет, Абиссинию и Сомали с целью изучения быта африканских племен. Собранные коллекции он передает Музею антропологии и этнографии. Гумилев первым вводит в русскую поэзию экзотические темы.

В 1912 году он организовал поэтическую группу акмеистов (греч. акме — цветущая си-

ла), куда входили его тогдашняя жена Анна Ахматова, Городецкий, Мандельштам и другие. Гумилев искал ясности, точности и употребления слов в их прямых, а не переносных значениях: для него роза прекрасна сама по себе, как цветок, а не как романтический символ.

Когда разразилась Первая мировая война, пошел на фронт добровольцем. 24 августа 1914 года Гумилев был зачислен в 1-й эскадрон лейб-гвардии Ее Величества гусарыни императрицы Александры Федоровны уланского полка и 28 сентября, получив боевого коня, отправился на передовую, к границе с Восточной Пруссией. Уже в декабре 1914 года улан Гумилев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Его корреспонденция с фронта печаталась весь год в петербургской газете «Биржевые ведомости». Новый 1917 год встретил в промерзших окопах, а Февральскую революцию и отречение Николая II от престола — в Новгородской губернии, куда он был направлен для закупки сена частям дивизии. Гумилев добился командировки на Салоникский фронт, и 17 мая Анна Ахматова проводила мужа на крейсер. Но поскольку Россия была выведена из войны неслыханно позорным Брестским миром, Гумилев в апреле 1918 года воз-

вратился домой в Россию. Царское Село переименовано в Детское Село, дом Гумилевых реквизирован, Анна Ивановна, мать Гумилева, с его сыном Лёвушкой живут в Бежецке, Анна Ахматова попросила на развод...

Приверженец монархии, Гумилев не принял революцию 1917-го, однако эмигрировать отказался. Гумилев был уверен, что «его не тронут», считая лучшей защитой свое поэтическое имя и искренность в открытом и честном признании монархических симпатий.

Последние годы Гумилев продолжал лихорадочно работать. Несмотря на войну, печатает сборники «Колчан» (1916) и «Костер» (1918). При советской власти успел опубликовать «Фарфоровый павильон», «Шатер», «Огненный столп». Последняя книга, признанная критиками впоследствии лучшей, вышла за считанные недели до ареста поэта и его гибели.

В 1921 году Николай Гумилев был обвинен в причастности к заговору против советской власти и расстрелян 25 августа.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ДРАМА

1921 год... Уже в фойе зрителей встречают разухабистые красноармейцы и чекисты, бойкая торговка и девочка с благородными чертами лица, просящая милостыню. Зрители начинают с порога ощущать атмосферу смены эпох в Российском государстве.

*Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим Богом оставлен,
Он о мукe своей возопит.*

На сцене кабинет следователя ПетрГубЧеКа Яковсона (Игорь Степаненко), меблированный разномастной, конфискованной у буржуев мебелью. Наденька (Наталья Моисейчик), пишбарышня при Яковсоне, стучит клавишами пишущей машинки. Ей уже от постоянных вердиктов «приговорен к расстрелу» начинает казаться, что в слове «расстрел» пишется не две, а целых три буквы «с». В перерывах от работы коллеги пьют чай и обсуждают, как развлекаются чекисты в свободное время, участвуя в расстрелах, и как «чертовски приятно, когда можешь позволить себе не бояться, потому что бояться тебя». Разговор заходит о поэзии Николая Степановича Гумилева. Его незримый образ возникает на сцене, чтобы уже не покинуть до конца...

К беседе о том, «что поэты не умирают совсем», бесцеремонно поглощая конфискованные при обыске маковые сухарики, присоединяется чекист Дзержибаев (Игорь Овсienко-мл.). Он после воспоминаний о недавней смерти Блока, констатирует, что «лучшие поэты обречены на усекование головы, потому что символизируют блеск и величие уходящей эпохи», переходит к рекомендациям относительно того, как подвести арестованного Гумилева к «даче показаний, соответствующих заранее предполагаемому приговору».

*И не слушая волчьей угрозы,
Буду близкими я погребен,
Чтоб из губ моих выросли розы,
Из груди многолиственный клен.*

В бывшей квартире банкира Гандельблата в доме Мурузи на Литейном идет заседание дeтища Гумилева — литературной студии «Звучащая раковина». В этот раз без мэтра собрались молодые поэты: Константин (Дмитрий Иванов), Анатолий (Игорь Степаненко), Ида (Ирина Алексеевнo) и Ирина (Юлия Петрова). Вместо обсуждения новых произведений с Николаем Степановичем его ученики изо всех сил пытаются сохранить в себе надежду на благополучный исход дела Гумилева. Только время говорит само за себя, и в душе каждого из студийцев нарастает ощущение неизбежной трагедии.

Константин: «Пролетарий может написать свой первый роман в свободное от работы время, но все последующие он напишет при условии, что станет писателем. То есть перестанет быть пролетарием».

Ида: «Никто не равен Пушкину, но это не отменяет поэзию. По твоей логике, после Пушкина писать стихи бессмысленно?»

Ирина: «Бессмысленно сочинять стихи, будучи современником Ахматовой, Блока, Гумилева, Маяковского, когда Блок умер, Гумилев арестован, а Маяковский пишет лозунги о вреде некипяченой воды».

Анатолий: «Вопрос не в том, нужны ли сейчас поэты, равные Пушкину, Блоку, Гумилеву... Вопрос в том, нужны ли сейчас Пушкин, Блок, Гумилев?»

*Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком поколочу!
Старый мир как пес паршивый,
Провались — поколочу!*

Окончание на стр. 30-31.

Еще не раз вы вспомните меня...

ОКОНЧАНИЕ. Начало на стр. 28-29.

Как противовес предыдущей, выступает следующая сцена в рабочем клубе, разыгранная в лучших традициях пролетарских агитбригад. Идет репетиция кантаты по поэме Блока «12» актерами Ростовской театральной труппы, переведенных стараниями Гумилева в Петроград. На дальнем плане актер, изображающий Христа (Александр Беликов) в белой хламиде, цветочном венке на голове, с красным флагом в руках. На авансцене маршируют актеры: мужчины в красноармейской форме, женщины в красных в платочках (Руслан Бочаров, Филипп Осипов, Екатерина Овсиенко, Дарина Довгаленко). Сбоку на стуле внимает режиссер (Дмитрий Иванов). Денис Игнатенко в роли пса выбегает на сцену... Члены труппы решают, как «замаскировать» Иисуса на сцене и стоит ли пускать в спектакль, посвященном памяти Блока, «Гондолу» Гумилева. Или это будет преждевременно, ведь Гумилев еще не умер. А если он погибнет, то зрители увидят в «Гондоле» слишком много ассоциаций...

*Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов
Живет в таинственном мерцанье
Её расширенных зрачков.*

Укутавшись пледом, в квартире Гумилевых одиноко сидит Анна Николаевна Энгельгард-Гумилева (Анна Арефьева) и надеется в каждом шорохе услышать звуки шагов мужа. Но тишину нарушает только легкая поступь Ольги Николаевны Арбениной (Ирина Алексеенко), которая пришла поддержать подругу.

Анна Николаевна уверена, что её супруг будет сам просить смерти. «Не его время пришло. Сейчас, когда все задыхается от первобытного хаоса, когда все в один момент пропало, мы бродим как живые трупы и мертвые души, среди разбойников и убийц, предателей, грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве, разве теперь можно любить жизнь? Только смертью можно доказать что ты жил не напрасно! Смерть одна нас оправдает!» Арбенина хоть и пытается вселить надежду на лучший исход, понимает, что «смысл существования ЧК — нагнетание страха на обывателей. Большевики просто органически не способны простить кому-либо нравственного превосходства... Бесстрашия, например...»

*Прощайте! Бесстрашно на казнь я иду,
Над жизнью моей вы невольны,
Но речи от сердца сдержать не могу,
Пусть ей вы недовольны...*

Второе действие вернуло нас в кабинет Яковсона. Теперь за столом вальяжно восседает чекист Агранов (Василий Егоров), рядом сидит, подобострастно поджав ноги, Дзержибаев. Агранов с удовольствием зачитывает протокол допроса дворянина Гумилева, 35 лет от роду. Ознакомившись с бесхитростным рассказом писателя, не поддавшегося на провокации, приходит к выводу что «понятие чести и верность слову — это слабое место интеллигенции, взявшись за которое, мы эту зазнавшуюся сволочь поставим на колени и заставим жрать из наших рук. Правда из числа нынешних меньшую половину — прочих в качестве назидательного примера придется перебить»...

*Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навежда уступил меня року создатель;
Я продал! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И свяной насмешкой глядит на меня покупатель.*

В Петрограде раннее утро. На скамейке сидит инвалид в офицерской шинели со споротыми погонами и в черных очках (Игорь Степаненко) и его дочь в обтрепанной одежде (Дарья Владимировна). Сгибаясь под тяжестью мешка, выходят беспризорник (Денис Игнатенко) и тор-

говка (Екатерина Овсиенко). На сцене появляется Борис (Филипп Осипов), актер и провокатор в одном лице, и предлагает торговке выгодный обмен: часы профессора Таганцева на хлеб. В разговорах выясняется, что Борис еще и «обирает людей под предлогом помощи их арестованным родственникам», да и торговка не так проста — в организации «Народная воля» ей хорошо нюх на провокаторов ставили. Беспризорник с девочкой делятся своим опытом выживания в голодном и разрушенном городе. Нищенка звонким чистым голосом поет трогательную песню... Друг беспризорника Петя (Денис Игнатенко), прочитав газету, сообщает роковую весть о том, что Гумилев обвинен за содействие составлению прокламаций контрреволюционного содержания. Инвалид, понимая причастность Бориса к этой новости, по-офицерски дает ему звонкую пощечину...

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь?
Но молчи: несравненное право
Самому выбирать свою смерть...*

Последняя сцена разыгрывается рядом с полигоном близ Бернгардовки. Из тумана пред- рассветных сумерек выступает мужик (Василий Егоров) с тяжеленным мешком и, натываясь на пожилого красноармейца (Александра Беликова), просит пособить — дотащить колокол из разворванной часовенки до станции. Видя, что встретил представителя расстрельной команды, начинает взывать к его совести. «Время такое, не до совести», — слышит ответ от матерого чекиста... Опытный «стрелок» дает советы молодому красноармейцу (Дмитрию Иганову), впервые участвующему в расстреле, как правильно себя настроить: «Мол, не убивец я, потому как все по закону». Дзержибаев же после приведения приговора в действие появляется на сцене в приподнятом настроении, с гармошкой под мышкой. Жалеет только о том что «драматизма не хватает! Ну, Николай Степанович, я ожидал большего! Всего лишь: Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь».

Я надеюсь, уважаемый читатель понимает, что здесь приведена только основная канва этой глубокой постановки, действие которой разворачивалось на протяжении двух часов. О том, какими усилиями создавался этот спектакль, наша беседа с руководителем студии и автором пьесы Юрием Леонидовичем Лукиным.

АВТОРА!

— Как Вы пришли к такой многогранной теме спектакля?

— Из 18 спектаклей у нас шесть литературных. Меня завораживает масштаб личности Гумилева. Я бы отнес его к поэтам века Золотого. Он не так эпатажен, не так ярок, но за каждой его строчкой или биография, или пророчество. Он реалист высочайшей пробы, хотя, может быть, не самый яркий поэт своего времени. Ахматова, Маяковский, Есенин, Блок, Цветаева выглядят значительно, но как личности ему нет равных.

Его не могли не расстрелять, настолько он был честен. Через жизнь Гумилева видна вся трагедия эпохи.

— Есть ли произведение, которое легло в основу сценария?

— Сценарий авторский, собранный на основе документальных материалов и облаченный в художественную форму. За каждую реплику я ручаюсь — это не легенды и выдумки, а движение в сторону правды. Все ситуации можно назвать реконструкцией реальных событий. Я на протяжении семи месяцев работал с материалами о Гумилеве, объемом которых у меня в компьютере составил примерно 4000 страниц. Но пьесу я писал под конкретных актеров — наших студийцев. Поэтому у нас каждая сцена, как пазл, цепляющийся один за другой, а образ Гумилева обрисовывается словно бы силуэт в центре и — не воплощенный в актерской работе — постоянно присутствует на сцене.

— Все ребята показали высокий уровень актерского мастерства. Чья это школа?

— До этого сезона в течение 15 лет я учил их самостоятельно... Как режиссер, я — увй! — всего лишь «продвинутый» дилетант, на уровне опыта что-то до ума доходит. Но про пьесы свои могу заявить смело, что они уже выходят на профессиональный уровень. Каждый год я усложняю ребятам работу. В прошлом году им ставилась задача взаимодействовать со зрителем на уровне слова. В этом году соединили выразительное слово со сценическими дви-

жениями, костюмами, декорациями. Декорации подготовили Александра Осипова и Екатерина Овсиенко. Режиссером-постановщиком этой драмы стал Андрей Салов, учивший ребят профессионально двигаться по сцене. Для него наш спектакль — дипломная работа в Санкт-Петербургском Государственном университете культуры и искусств на режиссерском факультете.

— Спектакль получился музыкальный. Такие голоса редкость даже для столичных подмошток.

— Нам просто повезло. Уже несколько лет приходят актеры со слухом и голосом, владеющие гитарой. Все песни, звучащие в спектакле, — на стихи Николая Гумилева. Их исполнили Дмитрий Иванов, Филипп Осипов, Дарья Владимировна, Наталья Моисейчик, Василий Егоров. У Натальи Моисейчик талант от Бога — она сама подбирает музыку. Причем так точно, что и объяснять, что я хочу, ей не приходится — я просто даю сценарий, а она своими песнями заставляет зал прочувствовать тот вибрирующий нерв, на котором наши постановки и строятся. Василий Егоров загорелся записать саунд-трек. В конце февраля поедут на концерт бардовской песни в Кингисепп.

— Как Вы оцениваете игру своих актеров в драме «Еще не раз вы вспомните меня...»?

— Даже по фотографиям видно, что все ребята не выпадают из роли на протяжении действия. У самой молодой участницы Дашу Владимировну, сыгравшей нищую девочку, я считаю, большие перспективы. Ей ничего не надо объяснять. Она сама подготовила и спела песню, прекрасно воплотила сценический образ «Достоевской» героини. Александр Беликов широко шагнул в этом сезоне. Анна Арефьева и Ирина Алексеенко «раскопали» всю историю любви Гумилева и Энгельгард, Василий Егоров досконально изучил личность Агранова.

— Какие перспективы вы видите у студии «ИВАНГАРД»?

— Сейчас у нас статус школьной детской студии. Но мы видим, что уровень рас-

тет. Обычный школьный спектакль — это действие с зайчиками и лисичками, в котором иногда проглядывает что-то интересное из непрофессиональной игры актеров. Мы же себя самодеятельным коллективом называем уже с оглядкой: в России если и есть детские школьные коллективы, которые каждый год ставят полнометражные спектакли по оригинальным сценариям, то таковых, думаю, два-три и не больше. Но для меня главное — дожидаться, когда «ивангардовцы» будут сами ставить свои пьесы и предлагать мизансцены.

Основная проблема — финансовая и подбор подходящей площадки. Не хватает профессионального продвижения студии на конкурсы. Мы открыты ко всем предложениям. Но для того, чтобы выехать в другой город, необходим транспорт, проживание, питание. Я не могу просить ребят тратить на это средства родителей. Они и так за свой счет делают декорации, костюмы. Извините за навязчивость, но это вполне с моей стороны понятный намек людям, которые многое могут и от которых в нашем городе многое зависит. В прошлом году, например, благодаря руководству ИЦВР, мы выступили на областном фестивале детских театральных коллективов и оставили о себе впечатление...

1 апреля будет юбилей — 15 лет со дня первого выхода на сцену. Возможно, это будет фестиваль...

Дарья ВЛАДИМИРОВА

— Тема Гумилева непроста даже для зрелых знатоков театра. Насколько сложно было понять все тонкости и нюансы пьесы?

— Юрий Леонидович, как учитель литературы, подобрал для нас материалы, чтобы мы предварительно познакомились с жизнью и творчеством Николая Степановича Гумилева.

Василий ЕГОРОВ

— Вам было интересно принять участие в этом проекте?

— Мне интересно то время — период раскола в государстве, интересно было играть характерную роль.

Если Вы встретите афиши, приглашающие на спектакли студии «ИВАНГАРД», — это знак, что скоро будет событие, которое не стоит пропускать.